

УДК 882

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ А. ВАРЛАМОВА «ЗАТОНУВШИЙ КОВЧЕГ»

Е.О. Новикова (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье дан анализ библейских аллюзий в романе Алексея Варламова «Затонувший ковчег». Представлена парадигма священных образов и мотивов в значимых эпизодах текста, что позволяет уточнить идейно-художественный замысел писателя. Обращаясь к тексту Священного Писания, автор поднимает на страницах своего произведения важные вопросы нравственного самостояния человека в современном мире.

Цель статьи – выявить семантику библейских аллюзий в романе Алексея Варламова «Затонувший ковчег».

В работе используются *методы*: культурно-исторический, сравнительно-типологический, герменевтический, структурно-семиотический анализ текста.

Результаты исследования. Христианская культура играет важную роль в жизни и творчестве А. Варламова. В своих текстах писатель обращается к Библии и как к источнику философско-мировоззренческих принципов. В центре романа «Затонувший ковчег» – судьба человечества. Автор высказывает свой взгляд на раскол православной церкви и нравственное падение современного мира. Мотив «Конца Света» подчеркивает эсхатологическую природу описанных событий. Архетипические образы: Иисуса, Девы Марии, Антихриста, Лжепророка подсвечивают фигуры ключевых героев. Библейские аллюзии на страницах авторского текста позволяют связать священную историю и литературную версию бытия в интертекстуальном дискурсе.

Ключевые слова: А. Варламов, библейские мотивы, аллюзии, ковчег, лжепророк, апокалипсис, Антихрист, Иисус, Богородица.

Постановка проблемы. Библия и для современных деятелей искусства зачастую является эталоном духовных, эстетических и морально-этических ценностей. Мотивы и образы Священного Писания аккумулируют культурный пласт той или иной эпохи. Сюжеты из древнейших текстов Ветхого и Нового Завета становятся источником вдохновения для создания актуальных произведений.

Русская литература имеет неразрывную связь с христианской традицией. В течение многих веков важнейшим в отечественной словесности является, по словам М.М. Дунаева, «ее православное миропонимание, религиозный характер отображения реальности» [Дунаев, 2001]. В своей работе исследователь отмечает, что «литература нового времени принадлежит секулярной культуре, она и не может быть сугубо церковной. Однако Православие так воспитывало русского человека, так учило его осмыслять свое бытие, что он, даже видимо порывая с верою, не мог отрешиться от привитого народу мирозерцания» [Там же]. Христианская этика настолько прочно укрепилась в жизни людей, что мы не всегда

способны в полной мере отрефлексировать ее влияние на формирование нравственного сознания человечества. Библейские образы становятся архетипами – доминирующими проекциями, «которые душа всякий раз переживает заново» [Юнг, 2009, с. 222–223]. Сюжеты Священного Писания укоренились в мышлении, языке, что позволило художникам видеть в Библии поэтический миф.

Словесность конца XX столетия возвращается к наследию классической литературы, где вновь появляется интерес к религиозным текстам и мотивам. В этот период, по словам Н. Ковтун, «культурная ситуация вновь заставила говорить о судьбе реализма в современном мире. Разочарование в идее глобализма, сворачивание проекта постмодернизма вызвало подчеркнутый интерес к реалистическим принципам письма» [Ковтун, 2017, с. 571]. На смену игровой концепции, где превалировало отрицание всевозможных (в том числе и религиозных) культурных ценностей, приходит новая поэтика, которая опирается на традиционалистскую эстетику. С конца 90-х гг. библейский контекст все отчетливее проявляется в текстах многих актуальных писателей: А. Варламова, В. Шарова, А. Иванова, Е. Водолазкина и др. Особенно интересен образ «нового святого». К историям о «современном праведнике» относят роман А. Иванова «Географ глобус пропил» (2003) [Круглов, 2019], тексты Л. Улицкой «Сонечка», «Веселые похороны» [Ковтун, 2014], «Искренне ваш Шурик», где главный герой обладает чертами «святости» (2003) [Гонтарева, 2022, с. 61].

На пороге XXI в. одним из адептов «традиции классического реализма», по мнению Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого [Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 522], становится А. Варламов. В прозе писателя утверждается христианская система ценностей, П.В. Басинский считает произведения Варламова нынешними хранителями реалистических традиций [Басинский, 1996]. Он ставит его в один ряд со сторонниками «деревенской прозы» – В.И. Беловым, В.П. Астафьевым и В.М. Шукшиным. Автор неоднократно затрагивает тему сельской жизни («Дом в деревне: повесть сердца», «Падчевары»). Его творчество окрашено религиозным настроением («Купол», «Затонувший ковчег», «Рождение»). Являясь приверженцем классической прозы, А. Варламов следует гуманистическим идеям русской литературы XIX–XX вв. («Мысленный волк»).

Анализ библейских аллюзий в прозе писателя позволит более глубоко понять авторскую философию и поэтику, уяснить способы создания художественных образов.

Цель статьи – выявить семантику библейских аллюзий в романе Алексея Варламова «Затонувший ковчег».

Методы исследования. В ходе исследования используются методы: культурно-исторический, сравнительно-типологический, герменевтический, структурно-семиотический анализ текста.

Результаты исследования. Для прозы А. Варламова характерно соединение двух форм поэтики: реалистической и религиозно-мифологической. Это связано в том числе с тем, что творчество автора развивается на рубеже конца

XX – начала XXI в. Данный период характеризуется наступлением мирового общецивилизационного кризиса. Культурный пласт претерпевает упадок религиозного сознания, происходит глобальное разочарование в человеке и человечестве, мир находится в состоянии переживания «конца времен».

Уникальность мировосприятия А. Варламова, по мнению критика В. Курбатова, заключается в том, что автор стремится «найти в этом миропорядке определяющий смысл и место» [Курбатов, 2000, с. 3]. В последнем десятилетии XX в. литература «столкнулась с проблемой отсутствия единой правды», которую бы приняло общество [Счастливецва, 2007]. В свою очередь, это побуждает людей ставить перед собой извечные вопросы «о смысле человеческого существования» [Новикова, 2020, с. 56]. Возникают апокалиптические настроения, возвращается интерес к православной культуре, которая вновь становится спасательным судном. А. Варламов констатирует: «Никогда мы не были так близки к Страшному суду и одновременно так к нему не готовы, как сегодня, на исходе второго тысячелетия» [Варламов, 1997, с. 15]. На страницах романа «Затонувший ковчег» автор разворачивает эсхатологический миф. В произведении обнаруживаются цитаты, аллюзии, образы из Ветхого и Нового Завета, которые отображаются на уровне содержания и поэтики текста.

В литературоведении аллюзия определяется как «сознательный авторский намек» [Белокурова, 2005] на известное художественное творение. По выражению И.Р. Гальперина, «аллюзии – это ссылки на исторические, литературные, мифологические, библейские и бытовые факты» [Гальперин, 1958, с. 217]. Исследователь отмечает, что читатель знакомится с этими фактами благодаря присутствию в тексте указания на какое-либо явление. Первоисточник, как правило, неизвестен. Аллюзия всегда несет в себе добавочный скрытый смысл. Автор допускает возможность наличия знакомой ему информации у читателя, однако это не всегда имеет место быть. Подтекст может расшифроваться лишь в том случае, если человек обладает фоновыми знаниями.

Классификация аллюзий очень разнообразна: стихотворные и прозаические цитаты, имена собственные, названия литературных произведений, крылатые выражения, поговорки, цитаты из древнейших источников и многое другое. С аллюзией тесно связано понятие «интертекстуальности», которая представляет собой «пермутацию других текстов» [Кристева, 2004, с. 399]. Очень часто Библия выступает в качестве интертекста, поскольку священный текст метафоричен и символичен. Он обладает сильнейшими образами (архетипами). Русская словесность «по-новому интерпретирует библейские мотивы, образы, символы в сфере содержания и выражения» [Новикова, 2019, с. 18]. Применяемые в художественном произведении цитаты из Священного Писания становятся интертекстуальными элементами. Изучение межтекстовых связей является важной составляющей анализа литературного творчества.

В художественном мире А. Варламова ключевую роль играют религиозно-этические элементы, наполняющие смысловое поле произведения. Писатель

придерживается гуманистических идей, связанных с христианской традицией. Мировоззренческие взгляды автора зависят от религиозного, православного миропонимания. В интервью писатель часто говорит о Библии как о достоверном источнике знаний: «Сказанное в Евангелиях не подлежит сомнению, это аксиома. А вообще для меня очень важен святоотеческий мир, русская и вообще шире – православная агиография. Она мне по-человечески не то чтобы ближе, чем Сам Христос, нет, но я понимаю, очень чувствую эту русскую традицию – не напрямую обращаться к Спасителю, а через людей, Ему всей жизнью послуживших» [Сегень, 2015]. По словам автора, к вере он пришел в сознательном возрасте, будучи студентом: «Я воспитывался в атеистической семье, но стремление к православию пришло от жадного интереса к чему-то отличному от советского, монотонного и одноцветного. Мир церкви, который тогда глухо отрицался, но наперекор всему существовал, вызывал во мне любопытство <...> Так получилось, что именно в МГУ, где сейчас преподаю, я попал в среду людей более продвинутых в духовном отношении, чем я» [Чупринин, 2011]. После окончания университета А. Варламов осмысленно принял Таинство Крещения. Весь пережитый духовный опыт стал подспорьем для его творчества. Размышляя о духовных и нравственных исканиях человека, автор говорит: «Мои герои пережили отход от Бога – и возвращение к Нему в конце жизни. Было интересно проследить, как и почему это происходило [Сегень, 2015].

В октябре 1997 г. выходит в свет роман «Затонувший ковчег». Жанрово-стилистической особенностью прозы становится социально-психологический аспект. Центральная тема произведения – феномен сектантства – была одной из ключевых для художников-традиционалистов: Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина, В. Личутина. В основе авторского мифа Варламова лежит эсхатологический мотив, который является ведущим сюжетообразующим компонентом текста. Так, тема сектантства тесно переплетается с идеей спасения человечества в день Страшного Суда и проходит красной нитью через все произведение.

В книге «Затонувший ковчег» секта представлена автором в варианте двух организаций: «Церкви последнего завета» и староверческой общины Бухары, – которые в процессе религиозной деятельности приводят героев в состояние «зомбирования». Варламов выражает беспокойство феноменом порабощения массовым сознанием, высказываясь о сектантстве как о подлинной беде российской: «Сколь ни поднималось государство, сколь ни крепло на зависть соседям, сектанты все разрушали. Секты декабристов и народников, хлыстов и духоборов, большевиков и диссидентов, секты «новых русских» и Божественного Искупителя – как по заколдованному кругу мчимся, и снова спотыкаемся, и вниз скатываемся» [Варламов, 2002, с. 361]. Озадачиваясь феноменом деструктивности различного рода общественных движений, автор пытается обличать преступные деяния адептов новой веры. Так, поднимая тему сектантства, Варламов создает аллюзию, отсылая читателя к библейским сюжетам и наполняя свое произведение мифологическим содержанием.

Писатель не случайно затрагивает эсхатологическую проблематику в романе. Он констатирует, что на границе двух веков возникает ощущение конечности судьбы человека и всего сущего. В статье, посвященной апокалиптическому настроению общества в кризисную эпоху, Варламов пишет: «И если верно, что одной из “архитем”, увлекших художников начала века, было рождение нового мира и нового человека, то архитемы современной литературы – смерть этого мира и этого человека» [Варламов, 1997, с. 69]. Апокалиптическая тематика интенсифицирует мифологические и библейские образы в нынешней литературе. Возникает новая волна интереса к сфере утопического и антиутопического жанров. Воззрения автора сводятся к тому, что «в основе нынешнего “апокалиптического всплеска” лежит глубочайший кризис позитивистской мысли, вызванной исчерпанностью всех прогрессивных и утопических теорий и идей, идущих от эпохи Просвещения и поставивший мир на порог аннигиляции» [Варламов, 1997, с. 15]¹.

Название романа «Затонувший ковчег» тесно переплетается с библейским преданием о Всемирном потопе. В произведении образ ковчега соотносится с Бухарой, небольшой деревушкой, находящейся в глухой тайге, где испокон веков живут староверы. Аллегорический образ спасательного судна в романе сравнивается с образом трюма: «Хотели теплое местечко занять, а оказались в трюме» [Варламов, 2002, с. 397]. В книге Бытия история о Всемирном потопе повествует о глобальной катастрофе – наводнении. Ужас настигает человечество за грехи и непослушание перед Богом. В предании сказано, что спасение уготовано не всем, лишь «человек праведный и непорочный в роде своем» (Быт. 6:9) способен пережить трагическое событие.

Роман «Затонувший ковчег» охватывает события двух столетий, однако время в произведении выступает больше как биографическое. Художественный текст основывается на пространственных категориях, которые преобладают над временными. Хронотоп романа строится на антиномии город – деревня, выделяется два топоса: Петербург – проклятый град Антихриста и Бухара – Святая обитель.

Начинается роман с истории об освоении новых земель старообрядцами. Целью православных христиан было сохранение устоев и традиций старой веры. Обрядовые реформы, совершенные по указанию патриарха Никона, воспринимались крестьянами враждебно. Миряне были уверены в том, что преобразования церкви свидетельствуют о знамении грядущего пришествия Антихриста, которое должно произойти незадолго до конца света: «В начале восемнадцатого века на строительстве Петербурга, где среди поработанных Петром крестьян трудились тайные и явные противники никонианской веры, произошел побег. Несколько семей, тяготившихся невозможностью свободно следовать своим обрядам, устремились на волю <...> В устье реки Пустой они облюбовали небольшую поляну, вырыли землянки и стали жить. Место было наречено Бухарой <...> Деревня жила так, как будто осталась одна на свете, а весь мир за ее чертой сделался добычей Зверя.

¹ Варламов А.Н. Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1997. 16 с.

Убежденные в своей избранности основатели скита завещали детям не покидать спасительное место, а если слуги Антихриста разыщут их или же голод погонит в иные края, запереться и сжечь себя в очистительном огне» [Варламов, 2002, с. 244].

Произведение отсылает к сказаниям о «далеких землях», возникших в русской народной культуре в конце XVIII в. Отличительным признаком легенд о «далеких землях» становится поиск скитальцами «земного рая» для реализации справедливого и праведного мира. Как отмечает Н. Ковтун, подобные поиски предполагали препятствия, однако это «только усиливало веру в мистический град» [Ковтун, 2009, с. 324]. В романе Варламова герои претерпевают нелегкие испытания: «Первые годы, проведенные бухарянами в лесной пустоши, были неимоверно тяжелыми. Их преследовали неурожаи, и вместо хлеба они ели сосновую и березовую кору. Многие умерли, иные, не вынеся тягот, ушли в обжитые места, но неустанными трудами и молитвами община выстояла» [Варламов, 2002, с. 244]. Пространство леса выступает и в качестве переходного состояния, во время которого происходит сакральное таинство – герои обретают дом: «Со временем ее насельники завели скотину и огороды, срубили избы, амбары и бани, поставили часовню, стали ткать одежду и изготавливать обувь, немудреную мебель и хитрый крестьянский инструмент. Мало-помалу отвоеванное у тайги пространство превратилось в обыкновенную деревню» [Варламов, 2002, с. 244]. Святая обитель напоминала загадочный Китеж-град, так это место именуется один из главных героев – Илья Петрович. И действительно, на протяжении двух веков Бухара в глазах героев представлялась в образе недоступной и желанной русской Атлантиды, где люди жили «как будто лишь им одним, не разорвавшим священный завет с истинным Богом, будет уготовано на небесах спасение» [Варламов, 2002, с. 248].

Параллельно жизни староверческой общины в романе представлена деятельность духовного центра под названием «Церковь Последнего Завета». Религиозная община располагается в Петербурге, изображается в свете любви к человечеству: «Приходили напуганные, одинокие, не нашедшие места в жизни <...> Казалось, в ту пору, когда вокруг все сгущается и жизнь становится страшнее и непредсказуемее, Церковь Последнего Завета сделалась единственным прибежищем для всех измученных и усталых людей. Здесь никто не отталкивал неопытных и робких, как в казенных православных храмах, – здесь любили и рады были каждому» [Варламов, 2002, с. 344]. Проповедь добродетели, однако, оборачивается для приверженцев новой веры злыми помыслами. Ученики религиозной общины становятся рабами в руках духовного наставника.

Оппозиция город – деревня уточняет художественное наполнение каждого локуса. Так, Петербург представляет собой источник порока, лжи и разврата, а Бухара – благодеяния и милости. Историософия разграничивает мир на биполярную модель. Русская мифологическая картина мира делит человечество на служителей Господа (добра) и воинство дьявола (зла). Антагонизм между добром и злом есть воплощение борьбы между истиной и ложью. А. Варламов разворачивает миф таким образом, что в конце романа город остается целым,

а Бухара погружается в «болотную трясиину» [Варламов, 2002, с. 438]. Болото издревле является символом регресса, стагнации, гибели и разложения духовного. Легендарный сюжет подсвечивает трагедию современного грешного мира, где религиозная община погрязла во лжи и пороке. Так утопия, воплотившись в жизнь, становится своей противоположностью. На страницах произведения показано, что не все староверческие общины выдержали проверку временем. Появление в стенах храма лжеучителя послужило причиной скорой гибели Бухары. В Библии сказано: «Были и лжепророки в народе, как и у вас, будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергая искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. И многие последуют их разврату, и через них путь истины будет в поношении» (2 Петра 2:1).

Образ лжепророка соотносится с Вассианом, ученым и атеистом. Имя Вассиан отсылает к реальному религиозному деятелю, известному под псевдонимом Виссарион. Автор и основатель синкретического учения «Последний завет», что аналогично названию параллельно развивающейся в романе петербургской секте – «Церкви Последнего Завета». Самозванец проникает в духовную общину с целью изучения истории скита. Будучи человеком образованным, он принимает на себя «власть над всем муравейником» [Сухих, 2005, с. 21]. Деревенские жители видят в образе Вассиана Святого учителя. Мошенник подчиняет себе души людей при помощи поддельного «чуда». Совершается подлог в виде подмены святых мощей на останки заключенного. В русской народной культуре мощи святых приравнивались к чудотворным иконам. В поверьях сказано, что останки преподобных могут исцелять тела и души страждущих мирян.

В Откровении (16:13; 19:20; 20:10) упоминается о лжепророке как о втором звере, который будет использовать знамения и чудеса, чтобы войти к людям в доверие: «И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле» (Откр. 13:14). Миссия лжепророка на земле заключается в том, чтобы заставить человечество поклоняться Антихристу. Изображение лжеучителя в романе отсылает читателя к времени «Великой скорби». Это событие указывает на появление Антихриста, который одурманит сознание всех людей (Дан. 7:8, 24, 25; Откр. 17:8–14) и вместе с лжепророком они создадут на земле царство Сатаны. Ведущим мотивом в произведении и становится мотив Антихриста. Образ зверя обнаруживается в лице лидера «Церкви Последнего Завета» – Люппо. В переводе с латинского «lupo» означает «волк». В христианской традиции волк – олицетворение зла, дьявола и ереси. Упоминание о звере как источнике хитрости и жестокости присутствует в Новом Завете: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные» (Еван. от Мат. 7:15). Исследователи в области эсхатологии В.Э. Багдасарян и С.И. Реснянский пишут о том, что «феномен самозванца, составивший в отечественной истории самостоятельный сюжет, органично вплетен в ее эсхатологические перспективы. Из какого бы пространства ни приходили самозванцы на царствие, из “латынской” Польши или Урала, они опознаются по признаку чуждости» [Багдасарян, Реснянский, 2022].

Автор романа приписывает Люппе черты чужеземного, пришлого человека: «Некоторое время спустя в Бухаре объявился пришелец. Кто он был таков и откуда взялся, никто точно не знал» [Варламов, 2002, с. 270].

А. Варламов воссоздает апокалиптическую картину. Изображая героев в образах лжепророка и Антихриста, автор отсылает читателя к Откровению, подробно рассказывает о «нечестивой троице» (Откр. 12–13). Вся «грязная» работа возлагается на плечи лжепророка. Послушник руками зверя обольщает людей ложными знамениями. Это хорошо проиллюстрировано в беседе Вассиана и Люппо: «И дерзнете совершить подлог?» – спросил старец, помолчав. «Почему нет? Вас смущает нравственная сторона этой истории? Но чем ваше лжестарчество лучше?» [Варламов, 2002, с. 412].

Противоположный антихристу в романе становится образ Христа, который подсвечивает фигуру Ильи Петровича. Илья – русская версия древнееврейского библейского имени Элийяху – Яхве, в переводе дословно означает «мой Бог» [Вылегжанин, 1999, с. 85]. О том, что Илья Петрович несет в себе прообраз Сына Человеческого, свидетельствует его чистая непорочная природа: «Директор вел жизнь совершенно недоступную понимания поселчан. Он не пил водку, не курил и не ругался матом» [Варламов, 2002, с. 265]. Столкновение героев-антагонистов получает продолжение в диалоге, Люппо обращается к Илье Петровичу: «Я глубоко равнодушен к людям, которые мне не подобны, но к вам чувствую странное влечение. Этакую смесь любви и ненависти, которую не испытывал еще ни к кому <...> Быть может, дело в том, что вы девственник» [Варламов, 2002, с. 399].

Другая особенность избранного героя, роднившая его с образом Святого, связана с учительством: «Молодому педагогу предложили временно сделаться местным Ломоносовым и целиком возглавить обучение в школе» [Варламов, 2002, с. 264]. Однако в начале своего педагогического пути герой отвергает веру, отдавая предпочтение науке. Затем постепенно его убеждения меняются, он приходит к идее, что одно без другого существовать не может. Наука и религия должны быть объединены в одну плоскость: «Мы будем учительствовать, – говорил Илья Петрович, босиком разгуливая вокруг костра и жмурясь от удовольствия. – Мы должны соединить чистоту и строгость Бухары с лучшими достижениями человеческой мысли, мы должны примирить прогресс с верой, знание с моралью и исправить совершенную человечеством в эпоху Просвещения ошибку. С этой точки начнется отсчет новой цивилизации» [Варламов, 2002, с. 385].

Мотив «духовного воспитания» разворачивается в конце романа и приобретает библейский контекст. После того как пало царство Антихриста, лжепророк был сожжен вместе с жителями Бухары, Илья Петрович в компании избранных членов секты «Последнего завета» остается жить на месте сгоревшего поселения. Спустя время женщины бывшего религиозного движения рожают детей от школьного учителя: «Через несколько лет по деревне бегало семеро мальчиков и пять девочек» [Варламов, 2002, с. 436]. Общее число родившихся детей – двенадцать, именно столько было апостолов у Иисуса. Илья Петрович построил школу

для своих учеников, в стенах которой рассказывал о мире, истории, науке и Боге. Дети называли своего учителя отцом и с жадностью впитывали каждое слово, а когда пришло время прощаться, Илья Петрович сказал, что научил их самому главному – любить. В Священном Писании Иисус, прощаясь со своими учениками, завещает им: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собой» (Ин. 13:34–35).

Помимо идеи двенадцати апостолов, важная роль отводилась любимой ученице Христа – Марии Магдалине. Согласно преданию, Мария – супруга сына Божьего. В романе прототипом святой девы-жены становится Мария Цыганова, фаворитка главного героя: «Никогда никаких любимцев или нелюбимцев у него не было, но все же к Маше Цыгановой он испытывал особые чувства. <...> Он чувствовал себя ее единственным покровителем и защитником и теперь решился на совершенно отчаянный, безумный поступок, грозивший ему самыми ужасными последствиями, лишь бы избавить свою возлюбленную ученицу от нежданно-негаданно свалившегося на нее непомерного груза прижизненной святости» [Варламов, 2002, с. 273]. На вопрос собирается ли он обзавестись семьей, директор отвечал, что «невеста его не подросла» [Варламов, 2002, с. 265]. Подобно прекрасной Мадонне, Маша Цыганова стала воплощением идеала и для скульптора Колдаева: «– Что хороша? <...> – Вы посмотрите, какое потрясающее и искреннее выражение стыда в глазах и какое нежное тело! Сколько я ни просил других девушек изображать смущение, у них не получалось. Все равно чувствовалась фальшь. А здесь все настоящее. Представьте себе воровка с Московского вокзала, а глаза – как у святой!» [Варламов, 2002, с. 313].

В произведении воплощается миф о «великом грешнике» или «возрождении грешницы» [Лотман, 1996, с. 338–340]. Истоки мифа обнаруживаются в текстах Священных Писаний. С принятием христианства огромная часть языческих представлений была перенесена на лики церковных святых. Очень часто миф связан с архаичным ритуалом. Так, спасение блудницы может расцениваться как священное действие, однако необходимо обратиться к первоисточнику мифа. По поверьям, библейской блудницей являлась Мария Магдалина, она же – «небесная властительница громов и молний» [Афанасьев, 1995]. В славянских песнопениях Огненную Марию называют сестрой Ильи Громовитого. Древние сказания гласят, что при разделе Вселенной Святому Илье достался «гром небесный», а Пречистой Деве – молния.

В романе в день Ильи-пророка происходит удивительное событие. Машка была отправлена матерью «на болото за морошкой» [Варламов, 2002, с. 259]. На Руси ходили в лес за ягодой в день святой Марии, часто ее называли «Ягодницей и Сладостницей». В этот день «разыгралась страшная гроза» [Варламов, 2002, с. 258] и возле сосны, под которой спряталась героиня, ударила молния. Чудесным образом девушка осталась цела и невредима. В апокрифической беседе Епифания с Андреем (рукоп. XV в.) сказано: «Яко Илья-пророк есть на колеснице ездя

гремит, молния пускает по облакам и гонит змия» [Афанасьев, 1995]. В русских легендах молния отождествлялась со стрелой, которой пророк пронзает змею. В Библии змея символизирует искушение. Мотив грехопадения и искупления в романе прослеживается отчетливо. Образ Марии Магдалины, подсвечивающий фигуру героини, вобрал главные характеристики христианского прообраза блудницы. Богословское учение повествует о том, что Мария Магдалина была спасена Иисусом. В романе юная отроковица получает благословение свыше: «На что была она избрана, кем и для какой цели – все это было странно, и не ясно, во всяком случае, никаких людей, отмеченных святостью, в ее роду не было <...> известно, что просто так молния в человека не попадает и независимо от того, погибнет он или нет, сие есть знак свыше» [Варламов, 2002, с. 261].

В образе Маши Цыгановой можно разглядеть и черты, которые связывают ее с образом Пресвятой Марии – матери Сына Божьего. Славяне часто смешивали «Марию Магдалину с Богородицею, ради тождества их имен» [Афанасьев, 1995]. Полмесяца спустя на роковое место у сосны явились бухаряне со старцем Вассианом во главе. Они откапали под деревом ковчег, в котором хранились мощи святой Евстолии. С тех пор жители поселка считали, что Маша Цыганова «богом отмечена». И подобно тому, как у Пресвятой Богородицы просили милости, ходили теперь к юной Отроковице «всякий раз, когда случалась большая ли, маленькая беда» [Варламов, 2002, с. 264]. Благословенная дева Мария отличалась целомудренностью. В романе Маша Цыганова изображается в образе невинной девушки, которая не соблазняется дарами Петербурга. О ней часто отзываются как о «скитской святой», «богородице», «отроковице». Тем самым в образе героини переплетаются черты нескольких мифологических образов: Святой Богоматери и жены Иисуса.

На страницах романа встречаются лексические единицы, которые указывают на библейский источник. Выражения «горе же не праздным и доящим в те дни» [Варламов, 2002, с. 245] отсылает к высказыванию «Горе же беременным и питающим сосцами в те дни» (Мф. 24:19). Здесь речь идет о последних временах перед Вторым пришествием Христа. Слова были произнесены душам, которые носят в чреве божественную любовь и лишены возможности спасения, так как отягощены этим бременем. Под беременными следует понимать людей, которые не произвели на свет ни одну добродетель. Вскормленные грудью – те, кто совершил благодеяния, однако плод их мал и слишком незначителен.

В тексте присутствуют прямые отсылки к Евангелию от Матфея, гл. 12, ст. 25: «В течение нескольких лет несокрушимая обитель раскололась на тех, кто ушел, и тех, кто остался, и затаилась в ожидании беды, ибо сказано в Писании: “Ежели царство какое разделится надвое, то не устоит”» [Варламов, 2002, с. 249]. Фраза повествует о революциях, расколах, переворотах, раздорах внутри определенного общества. Спасение кроется в духовном единении народа. Следовательно, излагая о раздробленности общины, Варламов вводит цитату из Библии, в контексте которой может проясняться авторская идея о наступлении конца времен.

Эсхатологический мотив реализуется в образе поселка «Сорок второй». Известно, что в Откровении Иоанна Богослова говорится: «И даны были ему уста, говорящие горло и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца» (Откр. 13:5). Число сорок два означает, что на протяжении этого времени совершались гонения Антихриста на Церковь. Три с половиной года, или «1290 дней» (42 месяца), ходил Бог по земле и проповедовал Евангелие. Столько же дано было зверю хулить имя Господа, столько же длилось «великое испытание» для всего человечества.

На протяжении многих веков праведники отодвигали день Страшного суда. В книге Бытия предвещено, что конечный суд наступит, когда мир будет охвачен беззаконниками и грешными людьми. В романе поселок «Сорок второй» образовался от номера лесного квартала, куда ссылались арестанты для исправительно-трудовых работ. От бывшего поселения ГУЛАГа остался леспромхозовский номерной пункт, который вобрал в себя «потомков спецпереселенцев, освободившихся заключенных, бичей, бомжей и прочих интерсоциал людей» [Варламов, 2002, с. 254]. Образ безбожника подчеркивает маргинальность, инфернальность пространства.

Выводы. Итак, разворачивая историю современного человека, Варламов обращается к христианской мифологии. Библейские аллюзии на страницах романа позволяют связать священную историю и авторский миф в интертекстуальном дискурсе. Аллюзия как стилистический прием выступает в качестве средства отражения религиозных и философских взглядов художника. В результате эсхатологические мотивы: конца света, спасения, лжеучительства, обетованной земли – становятся сложными гносеологическими символами, которые раскрываются и в образах Антихриста, Иисуса, Святой Девы, лжепророка, ковчега и т.д. Эсхатологический сюжет Всемирного потопа разворачивается таким образом, что в трясину болота погружается не мир в целом, но отдельные персонажи. «Затонувший ковчег» повествует о тонущих представителях религиозных течений, чьи духовные учения далеки от божественного Слова. Места на ковчеге заняли не истинные служители веры, а шарлатаны и последователи сект, поэтому на месте ковчега ничего не осталось, лишь река Пустая катила темные воды мимо низких подтопленных берегов.

Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1.
2. Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики: кол. монография. М.: БОС, 2022. 380 с.
3. Басинский П. Проза современного русского реализма // Литература. 1996. № 5 (197).
4. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. 2005. URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrд=%C0%CB%CB%DE%C7%C8%DF&bukv=%C0> (дата обращения: 18.03.2023).
5. Варламов А.Н. Затонувший ковчег: повесть. Романы / предисл. В.Я. Курбатова; ил. В.Л. Гальдяева. М.: Мол. гвардия, 2002. 442 с.: ил. (Проза века).
6. Варламов А. «О дне же том и часе никто не знает». Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века // Литературная учеба. 1997. № 5–6. С. 69–77.

7. Вылегжанин И.Д. Образ Яхве в Ветхом Завете // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 1999. № 1 (13). С. 84–96. EDN NUTАНF
8. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1958. 462 с.
9. Гонтарева А.И. Мотив сиротства в романах Л. Улицкой: случай Шурика Корна и Михея Меламида // Сибирский филологический форум. 2022. № 3 (20). С. 56–68. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-20-3-124. EDN DOOXNN
10. Дунаев М.М. Православие и русская литература: в 6 ч. Изд. второе, испр., доп. М.: Христианская литература. 2001. Ч. I–II. 736 с.
11. Ковтун Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии / М-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Сиб. федер. ун-т. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
12. Ковтун Н.В. Мифопоэтика сюжета о поиске и обретении истины в повести Л. Улицкой «Сонечка» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 233–248.
13. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 600 с.
14. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики: пер. с франц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.
15. Круглов Р. Христианские темы и мотивы в русской литературе // Журнальный мир [сайт] Заря. 2019. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://журнальныймир.рф/content/hristianskie-temy-i-motivu-v-sovremennoy-russkoj-literature> (дата обращения: 18.03.2023).
16. Курбатов В.Я. Отражение небесной битвы // Литературная Россия. 2000. № 45 (1969). С. 3–4.
17. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 2: 1968–1990. 688 с.
18. Лотман Л.М. Русская историко-филологическая наука и художественная литература второй половины XIX в. (взаимодействие и развитие) // Русская литература. 1996. № 1.
19. Новикова Е.О. Апокалиптические темы и мотивы в истории русской литературы // Современная филология: состояние, проблемы, перспективы: матер. VIII Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием, Красноярск, 26 ноября 2019 г. / отв. ред. Т.А. Полуэктова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. С. 17–22. EDN PRETCA
20. Новикова Е.О. Мортальные мотивы в произведениях Р. Сенчина // Сибирский филологический форум. 2020. № 2 (10). С. 53–66. DOI: 10.25146/2587-7844-2020-10-2-42. EDN KHFSOH
21. Сегень А. Показать восхождение русского человека во всей его полноте // Беседа с писателем Алексеем Варламовым. Образование и Православие. 2015. 04 июн. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orthedu.ru/knizhnoe-obozrenie/12956-pokazat-voshozhdenie-russkogo-cheloveka-vo-vsej.html> (дата обращения: 18.03.2023).
22. Сухих О.С. Мотивы легенды о «Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского в романе А.Н. Варламова «Затонувший ковчег» // Вестник ННГУ. Сер.: Филология. 2005. Вып. 1 (6). С. 19–25.
23. Счастливецова Ю.А. Проза Алексея Варламова 1980–1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2007. 184 с.
24. Чупринин К. Алексей Варламов: Каждый раз в церкви встречаюсь с чудом // Правмир: [сайт]. 2011. 17 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/aleksej-varlamov-kazhdyj-raz-v-cerkvi-vstrechayus-s-chudom/> (дата обращения: 18.03.2023).
25. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы: пер. с нем. 2-е изд. М., 2009.

Сведения об авторе

Новикова Елизавета Олеговна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elisanov1991@gmail.com

BIBLICAL ALLUSIONS IN A. VARLAMOV'S NOVEL "THE SUNKEN ARK"

E.O. Novikova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article analyzes biblical allusions in the novel "The Sunken Ark" by Alexei Varlamov. The paradigm of sacred images and motifs in significant episodes of the text is presented. This allows us to clarify the ideological and artistic idea of the writer. On the pages of his work, the author raises important issues of moral self-standing of a person in the modern world when referring to the text of the Holy Scripture.

The purpose of the article is to identify the semantics of biblical allusions in the novel "The Sunken Ark" by Alexei Varlamov.

The article uses the following *methods*: cultural-historical, comparative-typological, hermeneutical, and structural-semiotic analysis of the text.

Research results. Christian culture plays an important role in the life and work of A. Varlamov. In his texts, the writer refers to the Bible as a source of philosophical and ideological principles. At the heart of the narrative of the novel "The Sunken Ark" is the fate of mankind. The author expresses his views on the split of the Orthodox Church and the moral decline of the modern world. The "End of the World" motif emphasizes the eschatological nature of the events in the novel. Archetypal images of Jesus, Virgin Mary, Antichrist, and False Prophet illuminate the figures of the key characters. On the pages of the author's myth, Biblical allusions allow us to connect the sacred history and the literary version of existence proposed by the modern author in an intertextual discourse.

Keywords: *Aleksei Varlamov, biblical motifs, allusions, ark, false prophet, apocalypse, Antichrist, Jesus, the Virgin.*

References

1. Afanasiev A.N. Poetic beliefs of Slavs on nature: Experience of comparative study of Slavic legends and beliefs in connection with mythical legends of other related peoples: in 3 vol. Moscow: Modern writer, 1995. Vol. 1.
2. Bagdasarian V.E., Resnyansky S.I. Russian eschatology: the history of Russian social thought in the focus of apocalyptic: a collective monograph. Moscow: BOS, 2022. 380 p.
3. Basinsky P. Prose of modern Russian realism // Literature. 1996. No. 5 (197).
4. Belokurova S.P. Dictionary of literary terms [Electronic resource]. 2005. Mode of access: URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrd=%C0%CB%CB%DE%C7%C8%DF&bukv=%C0> (access date: 18.03.2023).
5. Varlamov A.N. The Sunken Ark: A Novel. Novels / Foreword by V.Ya. Kurbatov; Ill. Illustrated by V.L. Galdyaev. Moscow: Molnaya Gvardiya, 2002. 442 p. (Prose of the Century).
6. Varlamov A. "About that day and hour no one knows". Apocalyptic motifs in Russian prose at the end of XX century // Literary Studies. 1997. No. 5–6. P. 69–77.
7. Vylegzhanin I.D. The image of Yahweh in the Old Testament // Bulletin of Tambov University. Series: The Humanities. 1999. No. 1 (13). P. 84–96. EDN NUTAHF
8. Galperin I.R. Essays on the stylistics of the English language. Moscow: publishing house of literature in foreign languages, 1958. 462 p.
9. Gontareva A.I. Orphanhood motif in novels of L. Ulitskaya: the case of Shurik Korn and Micah Melamid // Siberian Philological Forum. 2022. No. 3 (20). P. 56–68. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-20-3-124. EDN DOOXNN

10. Dunayev M.M. *Orthodoxy and Russian Literature*: in 6 parts. Second edition, revised and enlarged. Moscow, Christian literature, 2001. Parts I–II. 736 p.
11. Kovtun N.V. *Russian traditionalist prose of the XX–XXI centuries: genesis, mythopoetics, contexts: textbook*. Moscow: Flinta: Nauka, 2017. 600 p.
12. Kovtun N.V. *Mythopoetics of the plot about the search and finding the truth in the story of L. Ulitskaya "Sonechka"* // *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*. 2014. No. 1. P. 233–248.
13. Kovtun N.V. *Rural prose in the mirror of utopia*. The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the Federal Agency for Education, Sib. University. Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009. 494 p.
14. Kristeva Y. *Selected Works: Destruction of Poetics / Per. from French*. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 656 p.
15. Kruglov R. *Christian themes and motifs in Russian literature* // *Journal World [website] Zarya*. 2019. No. 1 [Electronic resource]. URL: <https://журнальныймир.рф/content/hristianskie-temy-i-motivy-v-sovremennoy-russkoy-literature> (access date: 18.03.2023).
16. Kurbatov V.Ya. *Reflection of the heavenly battle* // *Literary Russia*. 2000. No. 45 (1969). P. 3–4.
17. Leiderman N.L., Lipovetsky M.N. *Modern Russian literature: 1950–1990s: Textbook for students of higher education institutions: in 2 vol*. Moscow: Academy, 2003. Vol. 2: 1968–1990. 688 p.
18. Lotman L.M. *Russian Historical and Philological Science and Literature of the Second Half of the XIX Century (Interaction and Development)* // *Russian Literature*. 1996. No. 1.
19. Novikova E.O. *Apocalyptic themes and motifs in the history of Russian literature* // *Modern philology: state, problems, prospects: Materials of VIII All-Russian scientific and methodological conference with international participation*. Krasnoyarsk. November 26. 2019 / Ed. in Chief T.A. Poluektova; Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafyev. Krasnoyarsk, 2019. P. 17–22. EDN PRETCA
20. Novikova E.O. *Mortal motifs in the works of R. Sencin* // *Siberian Philological Forum*. 2020. No. 2 (10). P. 53–66. DOI: 10.25146/2587-7844-2020-10-2-42. EDN KHFSOH
21. Segen A. *To show the ascent of the Russian man in its entirety* // *Conversation with the writer Alexei Varlamov. Education and Orthodoxy*. 2015. 04 Jun. [Electronic resource]. URL: <http://www.orthedu.ru/knizhnoe-obozrenie/12956-pokazat-voshozhdenie-russkogo-cheloveka-vo-vsej.html> (access date: 18.03.2023).
22. Sukhikh O.S. *Motives of the legend of the "Grand Inquisitor" by F.M. Dostoevsky in the novel "The Sunken Ark" by A.N. Varlamov* // *Vestnik NNSU. Philology Series*. Nizhny Novgorod: Publishing house of the Nizhny Novgorod State University, 2005. Is. 1 (6). P. 19–25.
23. Shchashevtseva Y.A., *Alexei Varlamov's prose of 1980–1990s: genre and stylistic originality: dissertation ... D. in Philology: 10.01.01*. Magnitogorsk, 2007. 184 p.
24. Chuprinin K. *Aleksei Varlamov: Every time in church I meet a miracle* // *Pravmir: [website]*. 2011. October, 17 [Electronic resource]. URL: <https://www.pravmir.ru/aleksej-varlamov-kazhdyj-raz-v-cerkvi-vstrechayus-s-chudom/> (access date: 18.03.2023).
25. Jung K.G. *Structure of the psyche and archetypes*. Moscow, 2009.

About the author

Novikova, Elizaveta Olegovna – PhD Candidate, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: elisanov1991@gmail.com